

Мехен Альфред Тейер.

**Влияние морской силы на
французскую революцию и
империю. 1793-1812 А. Т. Мэхен**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А59

А59 **Альфред Тейер. М.**
Влияние морской силы на французскую революцию и империю. 1793-1812 А. Т. Мэхен.
Том 1 / Мехен Альфред Тейер. – М.: Книга по Требованию, 2023. – 292 с.

ISBN 978-5-519-96357-2

ISBN 978-5-519-96357-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

сказываться на условиях доставки морских и продовольственных запасов, необходимых для французского флота».¹ В 1801 г. французский флот насчитывал 49 линейных кораблей, а английский—148. После Трафальгара военно-морское превосходство Англии над Францией увеличилось еще больше.

Но это не все. «Кроме армии и флота, Англия,—справедливо замечает Огородников,—располагала громадным запасом и постоянно действующим источником материальных и денежных средств, которые также сыграли выдающуюся роль в великой войне, державшей в напряжении все силы Европы в течение почти целой четверти столетия. Армия и флот, служа показателями военных сил государства, не могли, конечно, явиться без тесной связи с живыми и материальными силами народа, подразумевая под первыми сам народ (т. е. способное к работе население), а под вторыми—капитал в народнохозяйственном смысле и вообще всю сумму хозяйственных благ, служащих для удовлетворения потребностей, необходимых для развития народной жизни... Народное богатство Англии проявилось в области войны не только в создании более совершенных и многочисленных орудий войны, т. е. кораблей, оружия и т. п., но также и в создании более выгодных политических и материальных условий для приложения военной силы «с наибольшей производительностью и наименьшей затратой». С этими выводами Огородникова нельзя не согласиться, но согласиться с ними—значит признать, что Мэхэн несколько преувеличивает «влияние морской силы» на военные события 1793—1812 гг. и явно умаляет значение других факторов. Что Трафальгарская битва и вообще морское могущество Англии спасли ее от вторжения французских войск,—это, конечно, бесспорно. Но бесспорно и то, что крушение наполеоновской империи объясняется не только морскими победами Англии, не только — добавим — ее экономической мощью, но и разгромом «великой армии» в России, восстаниями народов Европы против французского гнета и истощением материальных ресурсов Франции в результате нескончаемых войн и краха континентальной системы.

Но не только основной тезис книги Мэхэна вызывает известные возражения и нуждается в определенных оговорках. Вызывают возражения и некоторые другие положения автора. Он, например, не различает войн французской революции от наполеоновских войн и считает агрессивными, завоевательными те и другие. Но это! совершенно противоречит исторической правде. «Войны великой французской революции, — указывает Ленин, — начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контрреволюционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с поражением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие в свою

¹ Ф. Е. Огородников, ук. соч., стр. 255.

очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона». ¹ «Не в 1792—1793 гг., а много лет спустя, после победы реакции внутри страны, контрреволюционная диктатура Наполеона превратила войны со стороны Франции из оборонительных в завоевательные». ²

Приписывая революционной Франции 1793 г. завоевательные цели, Мэхэн полностью одобряет политику английского правительства по отношению к ней и с большой похвалой отзывается о действиях его главы, Питта-младшего, направленных против французской революции. «Было вполне сообразно с этим положением,— заявляет Мэхэн,— что когда Питт увидел соседнее государство в конвульсиях, произведенных борьбою мятежного меньшинства (читай: французского революционного народа.—А. М.) за свободу без закона (?!—А. М.); когда это государство не только провозгласило свое намерение, но и приняло меры к тому, чтобы вызвать подобное же состояние в других государствах..., что он всеми силами своей души восстал против порядка вещей, который не только подвергал опасности внутренний мир, служивший основой благосостояния Англии, но и вносил в сферу международных отношений те же самые разлагающие начала, то же самое пренебрежение к закону, к договорам и приобретенному праву, которые привели Францию к ее тогдашнему жалкому (?!—А. М.) состоянию».

Ссылаясь на речь Питта в парламенте 12 февраля 1793 года, Мэхэн утверждает, что английское правительство, начиная войну с Францией, преследовало только одну цель—обеспечение безопасности Англии и мира в Европе от французской агрессии. В действительности дело обстоит тогда как раз наоборот: Англия выступала в роли агрессора и поджигателя общеевропейской войны, в роли организатора интервенции против революционной Франции. «Английский капитализм,— указывает товарищ Сталин,— всегда был, есть и будет наиболее злостным душителем народных революций. Начиная с Великой французской революции конца XVIII века и кончая происходящей ныне (в 1927 г.—А. М.) китайской революцией английская буржуазия всегда стояла и продолжает стоять в первых рядах громителей освободительного движения человечества. Но английская буржуазия не любит воевать своими собственными руками. Она всегда предпочитала вести войну чужими руками. И ей иногда действительно удавалось найти дураков, готовых таскать для нее из огня каштаны. Так было дело во время Великой французской революции, когда английской буржуазии удалось создать союз европейских государств против революционной Франции». ³

Восстановить во Франции старый, феодально-абсолютистский строй, ослабить ее и низвести до уровня второстепенной державы—такова была двоякая цель, которую преследовало английское правительство, затеявая в 1793 г. войну с французской республикой. А Мэхэн уверяет читателей, что дело шло об обеспечении безопасности Англии!

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. XIX, стр. 181.

² То же, т. XXI, стр. 190.

³ И. Сталин, Об оппозиции. Сборник статей, ГИЗ, 1928, стр. 610—611.

Автор не скрывает своего враждебного отношения к революции, к демократическому движению. Он дает крайне тенденциозное описание волнений во французском военном флоте в первые годы революции, именует революционных матросов «военной чернью», сожалеет об участии офицеров-аристократов, скорбит об адмиралах, казненных по приговору революционного трибунала, возмущается такими мерами Конвента, как декрет 7 октября 1793 г. о проверке политических убеждений (*civisme*) морских офицеров, и утверждает, что революция привела к полному упадку военноморских сил Франции. Однако, несколькими страницами ниже, он все же оказывается вынужденным признать, что революционное правительство Конвента энергично старалось навести порядок во флоте, поднять в нем дисциплину и повысить его боеспособность.

Консервативность политических взглядов Мэхэна сказывается при изложении им событий французской революции во всем. В оценке этих событий он следует за Анри Мартеном, французским историком буржуазно-консервативного направления, резко осуждает якобинцев, всячески старается оправдать действия контрреволюционных мятежников, передавших Тулон в руки англичан, замалчивает монархический характер заговора Дюмуре и заговора Пишегрю, сочувственно отзывается о перевороте 9 термидора и перевороте 18 брюмера.

С явным одобрением рассказывает Мэхэн о жестокой расправе адмирала Джервиса (графа Сен-Винсента) с матросом, участником восстания на корабле *Мальборо*: по приказу адмирала матрос был повешен командой того же корабля на глазах у всей эскадры. Это было сделано с целью устрашения матросской массы и ограждения дисциплины во флоте. Частые волнения в английском флоте в конце XVIII века Мэхэн объясняет не тяжелыми условиями службы, не жестоким обращением аристократического офицества со своими подчиненными, а происками преступных элементов якобы затесавшихся в ряды матросов. Это объяснение не выдерживает, разумеется, никакой критики. Восставшие в апреле 1797 г. моряки заявляли, что с ними обращаются «хуже, чем с собаками на улицах Лондона»; и это была сущая правда. Характерно, что, говоря об этом восстании, охватившем три эскадры (в Спитхэд-Портсмуте, в Ярмуте и в Плимуте), Мэхэн противопоставляет поведение в нем английских матросов поведению матросов французского флота в годы революции. «Отличительной чертой этих мятежей, в противоположность французским,—говорит он,—были логичность и уважение к закону, которые сначала смягчали их характер и которые показывают, как сильно влияли на матросов военного флота Англии свойственные всей нации чувство законности, сознание долга и необходимости дисциплины». Действительно, попытки придать восстанию 1797 г. последовательно революционный характер и поднять борьбу против монархии не имели успеха. Но объясняется это не особенностями национального характера англичан, не их пресловутой законопослушностью, а тем, что вся политическая обстановка в Англии была тогда иной, чем во Франции, тем, что в тогдашней Англии не было необходимых предпосылок для демократической

революции. Иначе обстояло дело во Франции: она переживала в то время крутую, революционную ломку всего государственного и общественного строя, которая не могла не повести и к более сильным волнениям во флоте, к более решительной борьбе против командиров, выходцев из феодального дворянства.¹

Но как ни отрицательно относится Мэхэн к французской революции, он не может, однако, не воздать должного мужеству и патриотизму французских революционных моряков, так ярко проявившемуся, например, в сражении 1 июня 1794 года, в сцене гибели линейного корабля *Vengeur du Peuple*, экипаж которого отказался сдаться англичанам и пошел ко дну при криках: «Да здравствует республика! да здравствует свобода! да здравствует Франция!» Нельзя без волнения читать отчет о гибели этого корабля, составленный оставшимися в живых людьми его экипажа, и речь, произнесенную по этому поводу членом Комитета Общественного Спасения Барером в заседании Конвента.

Нельзя не отметить того, что Мэхэн, явно идеализируя государственных деятелей тогдашней Англии, наряду с Питтом (о Питте он отзывался как о гении) безмерно превозносит также и личность Нельсона. Мэхэн умалчивает о его позорных действиях во время разгрома Партенопейской (Неаполитанской) республики соединенными силами неаполитанских монархистов и англо-русского флота. После того как в июне 1799 г. обманутые агитацией контрреволюционного духовенства (во главе с кардиналом Руффо) отряды вооруженных крестьян овладели Неаполем (в изображении Мэхэна эта неаполитанская контрреволюция превращается в народное движение) и в Неаполе была восстановлена монархия, низвергнутая в начале того же года; после чего и произошла дикая расправа с либералами. Военный суд приговорил к пожизненному тюремному заключению старого адмирала Караччиолу, морского министра республиканского правительства Неаполя. Нельсон, который вместе с английским послом при неаполитанском дворе, лордом Гамильтоном и его женой, знаменитой куртизанкой (она была в то время любовницей Нельсона), принимал самое активное участие в расправе с деятелями республиканского движения (в результате этой расправы погибло 15 тысяч человек), нашел этот приговор слишком мягким и приказал повесить старого заслуженного моряка и бросить его труп в море. Этот варварский приказ официального представителя «цивилизованной» Англии был тотчас же приведен в исполнение.

Об этой возмутительной сцене Мэхэн не упоминает вовсе.

Напомним еще о враждебном отношении Нельсона к русскому флоту, особенно наглядно проявившемуся весной 1801 г., во время резкого обострения англо-русских отношений, когда эскадра Нельсона, после бомбардировки Копенгагена, вошла в Балтийское море для действий против России.

Уже этих фактов вполне достаточно, чтобы историческая фигура Нельсона, военных талантов которого никто, конечно, отри-

¹ Читателей, интересующихся подробностями восстания в английском флоте в 1797 г., отсылаем к книге Gill „Naval mutinies of 1797“, Manchester, 1913.

цать не будет, потеряла значительную часть того ореола, которым окружают ее буржуазные историки.

Англофильские настроения Мэхэна сказываются и в характерной для него идеализации государственного и общественного строя тогдашней Англии, которую он рисует страной развитого парламентаризма и либеральных свобод; своекорыстное господство землевладельческой аристократии и финансовой олигархии при этом совершенно замалчивается. Англофильство Мэхэна проявляется и в пренебрежительном тоне, с каким он говорит о русском военном флоте, который, однако, уже тогда, как мы знаем, представлял собою серьезную силу.

Нельзя согласиться и с некоторыми другими выводами Мэхэна, например, с его оценкой первого раздела Польши (1772), в котором он усматривает событие, «несогласное с законами справедливости и опасное для равновесия Европы». Конечно, усиление влияния России в международных делах, явившееся результатом этого раздела, было невыгодно для Англии, но причем тут «европейское равновесие»? Что касается «законов справедливости», то разве существование польского дворянского государства с его жестоким угнетением крестьян и всего непольского населения не было вопиющим нарушением этих законов?

Можно ли согласиться с тем, что во внешней политике Павла I не было ничего или почти ничего, кроме проявлений его ненормальности? Нет, конечно. Такое утверждение решительно противоречит фактам. Здесь, как и в некоторых других местах своей книги, Мэхэн впадает в упрощенчество и обнаруживает неспособность разобраться в сложных перипетиях дипломатической истории, понять действительные причины крутого поворота во внешней политике России в 1800 г. Сказываются тут и англофильские настроения Мэхэна. Этими настроениями объясняется и оценка им англо-французского торгового договора 1786 года, как «чрезвычайно либерального для того времени». «Либерализм» этого договора состоял, как известно, в том, что он открывал английским товарам широкий доступ на французский рынок и ставил под удар развитие французской промышленности.

Говоря о захватнических целях внешней политики Франции в начале XIX века, Мэхэн недостаточно подчеркивает то обстоятельство, что за спиной Наполеона стояла крупная торговая и промышленная буржуазия, искавшая новых рынков сбыта и стремившаяся к уничтожению английской экономической гегемонии в Европе.

Мэхэн почти ничего не говорит о классовой базе наполеоновской диктатуры: фигура Наполеона совершенно заслонила в его изложении фигуры фабрикантов Оберкампа, Ришара, Ленуара, Терно и других буржуазных дельцов эпохи, к голосу которых очень прислушивался император. «Вы и я, — заявил он однажды Оберкампу (дело было в 1810 году), — мы ведем хорошую войну против англичан; вы—вашею промышленностью, а я—оружием», и

прибавил: «и вы воюете лучше». ¹ Добавим, что 20 января 1808 г. торговые палаты выразили свое полное одобрение декретам Наполеона о блокаде «британских островов».

Некритически повторяя слова Наполеона, Мэхэн утверждает, что все без исключения территориальные захваты французской империи после 1807 г. вытекали непосредственно из системы континентальной блокады. Даже нашествие Наполеона на Россию Мэхэн рассматривает лишь как эпизод в борьбе между Францией и Англией, совершенно игнорируя все другие причины войны 1812 г., кроме одной,—конфликта из-за нарушения Россией континентальной системы. «Натяжки Мэхэна слишком очевидны, чтобы они нуждались в серьезном разборе», — справедливо замечает по этому поводу Огородников. ²

Справедливо возражает Огородников и против утверждения Мэхэна, что египетская экспедиция Наполеона, задуманная, как удар против Англии, не могла бы сколько-нибудь серьезно подорвать могущество британской империи, даже если бы эта экспедиция закончилась удачно для французов. Даже завоевание Индии, по мнению Мэхэна, не могло бы сокрушить силу Англии, мировую торговлю англичан, обеспеченную их мощным флотом. «И пока эта броневая защита их не пробита над сердцем британского организма, над самыми Британскими островами, до тех пор Великобритания, хотя и не неуязвима, но непобедима. В самом деле, она может быть ранена, но не убита. В непонимании этого и была ошибка Бонапарта». Парализовать Англию можно было бы, только взяв ее за горло; «никакой удар по пяткам не приведет ни к чему».

Критикуя этот вывод Мэхэна, Огородников правильно указывает на то, что «по свойствам экономического положения Англии... не представлялось безусловной необходимости в нанесении удара в «самое сердце», чтобы воздействовать на «волю» Англии, как противника... Какое значение могла иметь угроза вообще в направлении одного из центров колониальных и торговых интересов Англии, в силу особой чувствительности ее к нарушению подобных интересов, видно также из тревоги, которая охватила Нельсона, когда впоследствии (6 мая 1805 года) он узнал об уходе французской эскадры Вильнева в Вест-Индию. «Если наши острова падут,—писал он,—Англия так закричит о мире, что мы будем сильно унижены». ³

Много интересного фактического материала содержат и те главы книги Мэхэна, в которых говорится об англо-французской борьбе на море в период наполеоновских войн. Очень подробно описывает автор все приготовления Наполеона к Булонской экспедиции. Впрочем, вышедшее в 1902 г. большое исследование французского

¹ Е. В. Тарле, Континентальная блокада, стр. 106.

² Ф. Е. Огородников, Военные средства Англии в революционные и наполеоновские войны, стр. 64.

³ Там же, стр. 274—275.

историка Дебриера¹ гораздо полнее освещает французские проекты высадки десанта в Англии и Ирландии, чем это сделано в книге Мэхэна.

Две большие главы посвящает Мэхэн военно-морским операциям 1803—1805 гг., начиная с момента возобновления войны между Англией и Францией и кончая Трафальгарским сражением. Эти главы ярко рисуют контраст между могуществом Наполеона на суше и его слабостью на море. «Как ни велика была власть Наполеона, она прекращалась, подобно силе некоторых волшебников, когда приходила в соприкосновение с водою»,—справедливо замечает Мэхэн. Нельзя также не согласиться с суждением известного военного историка, адмирала Жюрье де-ла-Гравьера, которое приводит Мэхэн: «Только одной вещи недоставало победителю под Аустерлицем—точного понимания трудностей морского дела».

Очень интересны и две следующие главы книги Мэхэна, рисующие каперскую и крейсерскую войну между Англией и Францией в 1793—1812 гг., войну, жертвами которой являлись и суда нейтральных держав. Главы эти содержат много цифровых данных, рисующих размах этих операций и их результаты. Автор поступает, конечно, совершенно правильно, выделяя в особую главу период континентальной блокады, начатой берлинским декретом Наполеона 21 ноября 1806 г. Подробности о том, как проводилась в жизнь эта блокада и какое влияние оказала она на народное хозяйство Франции и Европы, читатель найдет в капитальных трудах академика Е. В. Тарле, посвященных этому вопросу.²

По вычислениям Мэхэна, потери Англии вследствие каперских операций французов за 22 года войны составили 2¹/₂% всего ее торгового флота; эти потери, добавляет он, в значительной мере компенсировались судами и товарами, захваченными у противника.

Огородников оспаривает эти выводы Мэхэна и доказывает, что каперская война в сочетании с континентальной блокадой причинила торговому судоходству Англии довольно серьезный ущерб. Но, конечно, гораздо больший ущерб был нанесен французской морской торговле: действия английского флота почти совершенно парализовали жизнь морских портов Франции и портов подвластных ей стран.

Мэхэн говорит о том, что экономическая мощь Англии позволила ей без крайнего напряжения сил выдержать борьбу с таким грозным врагом, каким была наполеоновская империя. С точки зрения Мэхэна война способствовала экономическому подъему Англии и благоприятно отразилась на материальном положении ее населения (он даже утверждает, что таково вообще влияние войн на народное хозяйство). Но он ничего не говорит о том, какие тяжкие лишения и страдания приносила эта война трудящимся массам и какие огромные прибыли извлекали из нее капиталисты и помещики (особенно последние).

¹ Ed. Desbrière, 1793—1805. Projets et tentatives de débarquement aux îles britanniques, Paris, 1902, I—III.

² Е. В. Тарле, Континентальная блокада. Москва 1913. Его же. Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона. Юрьев 1916.

«Живые силы народа беспощадным образом эксплуатировались для добывания материальных благ», — справедливо замечает по этому поводу Огородников. «Весь механизм государственной и общественной жизни был приспособлен к умножению богатств и концентрации капиталов. Наконец, самая война—эта тяжкая проба народных сил—обратилась в источник наживы для правящих классов». ¹

Мэхэн полностью одобряет произвольные действия английских властей в отношении нейтральных судов и ту «теорию», которой английское правительство оправдывало незаконный захват всех невоенных грузов (в частности продовольственных), перевозившихся во Францию на кораблях нейтральных государств. Такое поведение английского правительства, ² представлявшее собою грубое нарушение международного права, автор считает совершенно правильным, вполне законным.

Есть в книге Мэхэна и ряд фактических ошибок, о которых следует предупредить читателей. Так, например, он неправильно датирует смерть Мирабо мартом 1791 года,—Мирабо умер 2 апреля 1791 года. В главе IV имеется такая фраза: «По получении известий об успехе Hugues Директория поспешила послать ему подкрепления, и 6 января 1795 года несколько французских военных кораблей и транспортов достигли Гваделупы». В январе 1795 года Директории еще не было, еще заседал Конвент, который уступил место Директории лишь 26 октября 1795 года.

Впрочем, подобных ошибок и неточностей в книге Мэхэна немного. Особо отметим, что некоторые, наиболее злобные выпады автора против французской революции и ее деятелей опущены в предлагаемом новом издании русского перевода его книги. Содержание ее от этого, разумеется, не пострадало.

События, о которых говорится в книге Мэхэна, происходили в конце XVIII и начале XIX века. За прошедшее с тех пор время до неузнаваемости изменились технические условия ведения войны. Не менее радикально изменилась политическая обстановка во всем мире и соотношение сил на международной арене. Англия Питта и Нельсона, Англия—безраздельная «владычица морей», Англия—банкир и промышленная мастерская всего мира навсегда отошла в прошлое. Страна, сокрушившая такого грозного противника, как Наполеон, давно утратила свое бывшее господство на море и свою старую репутацию неуязвимости. Нынешняя Британская империя переживает глубокий кризис, являющийся отражением общего кризиса всей капиталистической системы. В 1939 году англо-французские империалисты подожгли новую войну в Европе с целью укрепления своей гегемонии и ослабления своего главного соперника—Германии. Военные действия ведутся и на суше, и на море, и в воздухе. Но если сухопутные операции развиваются медленно, то действия морского и воздушного флотов отличаются большей активностью. Успешные действия германского подводного флота

¹ Ф. Е. Огородников, ук. соч., стр. 405.

² Так же ведет себя английское правительство и в настоящее время.

уже вывели из строя большое количество английских военных и торговых судов. Эта морская война, чреватая для Англии весьма серьезными последствиями, принимает все более широкие размеры.

Советский Союз, благодаря мудрой политике своего правительства, своего великого вождя Сталина, не дал втянуть себя в происходящую в Европе империалистическую войну. Но международная обстановка требует всемерного укрепления обороноспособности первого социалистического государства, которому империалистические круги Англии и Франции и их прислужники в других странах грозят войной. Военная мощь СССР, так блистательно проявившаяся в боях у озера Хасан и в недавнем освободительном походе Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию, в героической борьбе за безопасность наших северо-западных границ и города Ленинграда, растет с каждым днем: Растет, в частности, и мощь нашего военно-морского флота. «Советский Союз имеет около 48 тысяч километров морских границ, которые надо защищать, где врагу также не может быть отдано ни одной пяди»,¹ — говорил на XVIII съезде ВКП(б) командующий Тихоокеанским флотом, ныне народный комиссар Военно-Морского Флота товарищ Н. Г. Кузнецов, выступая с речью о задачах постройки большого морского и океанского флота.

Советский читатель, проявляющий все больший интерес к вопросам военно-морского дела и военно-морской истории, с несомненной пользой прочтет предлагаемую книгу. Как ни устарели теоретические взгляды Мэхэна, как ни ошибочны многие его выводы, богатый фактический материал этой книги искупает ее методологические недостатки и делает ее интересной и поучительной. Особую ценность переиздание настоящего труда представляет для начальствующего состава РКВМФ и РККА, а также для курсантов военно-морских и военных училищ, которым книга будет служить ценным пособием в изучении вопросов стратегии и военно-морской истории.

В нашей, пока еще небольшой, но постепенно растущей, библиотеке по военно-морской истории это новое русское издание старого капитального труда американского историка об англо-французской морской войне времен французской революции и наполеоновского господства займет свое далеко не последнее место.

А. И. МОЛОК

27 декабря 1939 года.

¹ XVIII Съезд ВКП(б). Стенографический отчет, ГИЗ, 1939, стр. 477.

